

МЕТАКОНЦЕПТ ПУТЬ-ДОРОГА В НАРОДНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ КАК ВЫРАЖЕНИЕ НЕПРЕЛОЖНОГО РАВСТВЕННОГО ЗАКОНА

Островская Ксения Зурабовна

*К. филол. н., доцент, ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет», Ростовская область, п. Персиановский
ya.xenija555@yandex.ru*

THE METACONCEPT ПУТЬ-ДОРОГА (WAY) IN THE FOLK FAIRY TALE AS AN EXPRESSION OF AN IMMUTABLE MORAL LAW

K. Ostrovskaya

Summary: This article discusses the nuclear metaconcept of a folk fairy tale, namely the concept of "way". Among other metaconcepts, "way" forms the conceptual field "sacral", which is fundamental in a folk fairy tale. Drawing a parallel between the characteristics of the sacral as a phenomenon and the categories of the sacral as a conceptual field, the author analyzes how the verbal expression of the concepts that make up the metaconcept "way" explicate its characteristics such as finiteness, discreteness, and inevitability. Using examples from Russian, German, and English fairy tales, the author highlights the general properties of the meta-concept "way", considering them in the context of the universal moral law. The metaconcept "way" and the folk fairy tale itself are presented as a means of accumulating and transmitting moral rules, reflecting morality as a characteristic of the phenomenon "sacral".

Keywords: sacral, folk fairy tale, concept, way, morality.

Аннотация: В настоящей статье рассматривается ядерный метаконцепт народной волшебной сказки, а именно концепт «путь-дорога». В числе прочих метаконцептов «путь-дорога» образует концептуальное поле «сакральное», которое является основообразующим в народной волшебной сказке. Проводя параллель между признаками сакрального как феномена и категориями сакрального как концептуального поля, автор анализирует, каким образом в вербальном выражении концептов, составляющих метаконцепт «путь-дорога», эксплицируются такие его характеристики, как конечность, дискретность и неизбежность. На примерах из русских, немецких и английских сказок автор выделяет общие свойства метаконцепта «путь-дорога», рассматривая их в контексте общечеловеческого нравственного закона. Метаконцепт «путь-дорога», а за ним и собственно народная волшебная сказка представляются как средства аккумуляции и передачи моральных правил, отражая нравственность как признак феномена сакрального.

Ключевые слова: сакральное, народная волшебная сказка, концепт, путь-дорога, нравственность.

Сакральное как концепт занимает важное место в лингвистике, антропологии, философии, социологии, истории, литературоведении и многих других отраслях гуманитарного знания, что связано, во-первых, с его присутствием в целом ряде фундаментальных проблем культуры, а во-вторых, со сложностью и неоднозначностью самого понятия сакрального. Даже в самых ранних исследованиях сакральное рассматривается через призму бинарных оппозиций, раскрывающих амбивалентный характер этого феномена. Классическое определение сакрального, предложенное У. Робертсом-Смитом, подразумевает разделение сакрального на «святое» и «нечистое». При этом обе эти формы существуют как параллельно, исключенные из повседневной жизни индивида и коллектива, так и могут переходить друг в друга [4, с. 54].

Именно амбивалентность сакрального позволяет говорить о нем не просто как о концепте или метаконцепте, а о более сложном образовании – концептуальном поле. А.Н. Приходько дает следующее определение концептуальному полю (или концептополю, как она его называет): «Концептополе является определенным фрагментом (участком) концептосферы, представляю-

щим собой устойчивую группировку типологически и семантически однородных и иерархически упорядоченных концептов, специализированных на организации когнитивно-семантических пространств» [8, с. 182].

Наиболее отмеченной национально-культурной спецификой сферой функционирования естественного языка является народная сказка. Будучи продуктом устного народного творчества, зафиксированным в письменной форме, она отражает «наивную картину мира» определенной общности людей, а потому содержит в себе концепты, которые входят в национальную концептосферу. Через народные сказки в концептосфере органично представлены нравственные мотивы. Сказка выступает в качестве особой формы коммуникации, в которой аккумулярована система взглядов, объясняющих окружающий мир, и правил, регламентирующих поведение человека в нем.

С одной стороны, сакральное занимает господствующее положение относительно профанного, играет упорядочивающую, гармонизирующую роль, а с другой – взаимоотношения между сакральным и человеком имеют такой характер, при котором человек не спосо-

бен каким-либо образом изменить суть сакрального. Сакральное как надбытийное нечто может как даровать благо, так и налагать наказание, стоит только человеку нарушить определенные конкретной священной (религиозной или мифической) традицией законы. В этом аспекте надбытийность сакрального находится в тесной взаимосвязи с нравственностью.

Если к самому сакральному, являющемуся моральным абсолютом, не применимы какие-либо нравственные аспекты, то взаимодействие человека с сакральным, напротив, жестко регулируется нравственным (моральным) законом. Идея морального закона, разработанная И. Кантом, в переложении на взаимоотношения между человеком и сакральным приобретает форму жертвенно-дарственного обмена, по интерпретации Ж.-Ф. Лиотара [3, с. 88]. Говоря о власти морального закона над всеми «мотивами души», И. Кант использует глагол «жертвовать» в метафорическом смысле [5, с. 85], и эту метафору Ж.-Ф. Лиотар анализирует в буквальном смысле, приходя к мысли о том, что для получения дара от «непредставимого» необходимо разрушить и истребить «свободную природную форму» [3, с. 89]. Таким образом, возможность использования энергии сакрального во благо себе (или группе, если оперировать более общими категориями) определяется способностью человека внутренне ограничивать свои чувственные склонности моральными предписаниями. Это косвенно подтверждает З. Фрейд в своей работе «Тотем и табу», говоря о том, что у первобытных народов запреты «большой частью касаются стремления к наслаждению, свободы передвижения и общения» [10, с. 43].

Такие моральные предписания изначально носили мистический характер и только по мере развития общества занимали в человеческом сознании место этических требований: удача, успех рассматривались как знак благорасположенности богов, следствие добродетельных поступков или мыслей. С другой стороны, несоблюдение воли богов (преступление) нарушало гармонию, определенную надбытийным сакральным, и влекло за собой неизбежные санкции, не в этом мире, так в загробном. Связь между причиной и следствием представлялась настолько нерушимой, что со временем приобретала форму незыблемого нравственного закона, превалирующего над законами социальными в той же мере, в какой сакральное превалирует над профанным.

Наиболее зримо превалирование нравственного закона в народной волшебной сказке реализуется в концепте испытание, связанном с проявлением нравственных качеств персонажей: если отрицательные герои сказки не способны проявлять милосердие, доброту и прочие однозначно положительные душевные качества, то протагонист выделяется на их фоне обязательным (хотя и не всегда с начала повествования) соблюдением

общечеловеческих нравственных норм. Перед каждым из героев сказки обязательно встает моральный выбор, знаменующий собой завершение определенного этапа развития – и одновременно путешествия героя. В этом плане эквивалентом концепта испытание в народной волшебной сказке выступает концепт путь-дорога [6].

Концепт путь-дорога характерен для концептосферы народной волшебной сказки на любом языке (в нашем случае – на русском, немецком и английском языках). Он знаменует собой одновременно движение (дорогу) протагониста в пространстве и времени, которое подчиняется особым законам фантастического хронотопа, являющегося каркасом сказки [7], и развитие протагониста, его путь моральный путь от начального состояния до финального, представляющего собой победу Добра над Злом. При этом в роли Зла могут выступать не только другие персонажи сказки (в частности, антагонист), но и собственные качества протагониста, вступающие в противоречие с нравственными законами.

М.М. Бахтин пишет: «Можно прямо сказать, что дорога в фольклоре никогда не бывает просто дорогой, но всегда либо всем, либо частью жизненного пути; выбор дороги – выбор жизненного пути...» [2, с. 271]. В полном смысле слова можно утверждать, что путь-дорога для сказочного героя – его судьба, и выбирая, по какому пути идти, а главное – как идти по выбранному пути, герой проходит главное испытание в своей жизни, за что получает либо награду, либо наказание. Это утверждение одинаково справедливо для всех трех изученных нами сказочных дискурсов: как в русских, так и в немецких, и в английских народных волшебных сказках путь-дорога образует канву повествования, отдельные элементы которой подчас в точности повторяют друг друга в разных языках.

Сравним следующие примеры из русской, немецкой и английской сказок:

Стрелец сел за стол и говорит: «Эй, Шмат разум! Садись, брат, со мною; станем есть пить вместе, а то одному мне скучно». Отвечает невидимый голос: «Ах, добрый человек! Откудава тебя бог принес? Скоро тридцать лет, как я двум старцам верой правдой служу, а за все это время они ни разу меня с собой не сажали». <...> «Послушай, Шмат разум! Хочешь мне служить? У меня житье хорошее». – «Отчего не хотеть! Мне давно надоело здесь, а ты, вижу, – человек добрый». [1, с. 212]

Da setzten sie sich, und als der Dummling seinen Aschenkuchen herausholte, so war's ein feiner Eierkuchen, und das saure Bier war ein guter Wein. Nun aßen und tranken sie, und danach sprach das Männlein: «Weil du ein gutes Herz hast und von dem deinigen gerne mitteilst, so will ich dir Glück bescheren. Dort steht ein alter Baum, den hau ab, so wirst du in den Wurzeln etwas finden.» [11, с. 430]

Coming to the well, she had no sooner sat down than a golden head came up singing:

«Wash me, and comb me, And lay me down softly. And lay me on a bank to dry, That I may look pretty, When somebody passes by.»

«Yes,» said she, and taking it in her lap combed it with a silver comb, and then placed it upon a primrose bank. Then up came a second and a third head, saying the same as the former. So she did the same for them, and then, pulling out her provisions, sat down to eat her dinner.

Then said the heads one to another: «What shall we weired for this damsel who has used us so kindly?» [12, с. 114]

Во всех трех примерах протагонист попадает в одну и ту же ситуацию, позволяющую ему проявить одно из своих положительных нравственных качеств, а именно – доброту. Следует отметить, что доброта является одним из ключевых нравственных качеств, обеспечивающих успешное преодоление испытаний. От героя может потребоваться проявить доброту в отношении случайных встречных или друзей, людей или животных, магических существ, даже предметов. Во всех случаях объект, в отношении которого протагонист проявляет доброту, становится его помощником: он может дать совет, помочь выполнить задание или даже вернуть к жизни.

Обязательной характеристикой пути-дороги является конечность, причем не только общая, совпадающая с концом собственно сказочного сюжета, но и конечность его отдельных этапов, представляющих собой локальные испытания протагониста на пути к главной цели. С лингвистической точки зрения конечность пути-дороги выражается в традиционных сказочных формулах (в частности, финальных), которые служат «знаком как сказочного финала, так и всей сказки» [9, с. 74] либо символизируют переход протагониста от одного этапа испытания (пути-дороги) на следующий. Кульминацией каждого этапа является необходимость протагониста делать определенный моральный выбор, от которого зависит, продвинется ли он дальше по своему пути (в своем моральном развитии) или будет вынужден вернуться на предыдущую точку и проходить испытание заново. В этом снова выражается незыблемость нравственного закона в сказке: единственно правильным, ведущим к достижению цели результатом морального выбора становится только тот, который соответствует определенным в национальной традиции нравственным нормам.

Если рассматривать с точки зрения лингвистики, обязательность морального выбора эксплицируется в клишированных выражениях, означающих невозможность выйти из кульминационной ситуации без каких-либо действий.

Сравним следующие примеры из русской, немецкой и английской сказок:

Иван царевич пошел от царя Долмата в великой пе-

чали, обещая ему достать коня златогривого. [1, с. 168]

Der Königsson machte sich auf den Weg, seufzte aber und war traurig, denn wo sollte er das goldene Pferd finden? [11, с. 368]

So Jack went upstairs to his little room in the attic, and sad and sorry he was, to be sure, as much for his mother's sake, as for the loss of his supper. [12, с. 34]

Во всех трех примерах герой печалится, так как не смог выдержать предыдущее испытание и теперь вынужден проходить новое, гораздо более сложное. При этом если в начале сказки печаль героя связана с его фиаско, то ближе к концу (по мере морального развития) эта эмоция сменяется раскаянием: протагонист осознает свои ошибки и обещает больше их не допускать, восходя на новый уровень нравственности.

Если моральный выбор является обязательной кульминацией каждого этапа пути-дороги (и всего пути-дороги в целом), то не менее обязательной развязкой является получение протагонистом заслуженного вознаграждения или наказания (в зависимости от сделанного им выбора). На последнем же этапе сказочного повествования протагонист, успешно выдержавший все испытания на пути-дороге, получает финальное вознаграждение, а антагонист, не сумевший сделать верный моральный выбор – финальное наказание. Как правило, источником вознаграждения (и наказания) выступает внешняя сила, присутствовавшая в сказке (или на этапе пути-дороги) с самого начала, что возвращает нас к такой категории концептуального поля САКРАЛЬНОЕ в народной волшебной сказке, как надбытийность.

Вербальные средства выражения концептов вознаграждения и наказания в изученных нами сказочных дискурсах проявляют несомненные сходства: практически всегда финальным вознаграждением героя является счастливая семейная жизнь, богатство и процветание, антагониста же почти всегда ждет казнь или смерть.

Сравним следующие примеры из русской, немецкой и английской сказок:

Купец расспросил про все подробно, освободил жену из темницы, и потом все они вместе переехали жить в новое царство, которое еще прежде по желанью купеческого сына явилось на взморье; царевна к своему отцу уехала, а Федор до самой смерти так и остался поганым псом. [1, с. 257]

Der alte König ließ den Koch in vier Stücke zerreißen, aber der Gram zehrte an seinem Herzen, und er starb bald. Der Sohn heiratete die schöne Jungfrau, die er als Blume in der Tasche mitgebracht hatte, und ob sie noch leben, das steht bei Gott. [11, с. 487]

But they sent for the henwife and put her to death. And they lived happy all their days. [12, с. 24]

Во всех трех примерах финальное вознаграждение протагониста неразрывно связано с финальным наказанием антагониста, образуя неразрывную дихотомию. В этом находит отражение надбытийный характер нравственного закона народной сказки: награда и возмездие являются непреложным результатом всего сказочного повествования.

В завершение можно сделать вывод о том, что концепт путь-дорога занимает особое место в концептосфере народной волшебной сказки. Являясь эквивалентом концепта испытание, путь-дорога одновременно описывает путешествие героя в пространственно-временном континууме сказки и символизирует его мораль-

ное развитие. При этом путь-дорога характеризуется такими особенностями, как конечность, дискретность и неизбежность. В изученных нами сказочных дискурсах (русском, немецком и английском) для реализации этих особенностей используются сходные вербальные средства, в основном несущие эмоциональную нагрузку (в рассмотренных примерах – печаль при провале испытания, доброту как обязательное условие прохождения испытания и счастье как финальная награда).

Все это позволяет говорить о том, что путь-дорога протагониста народной волшебной сказки определяется общечеловеческими принципами нравственного закона, закрепленного в традиции народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А.Н., Барг Л.Г., Новиков Ю.А. Народные русские Сказки А.Н. Афанасьева в трех томах / А.Н. Афанасьев, Л.Г. Барг, Ю.А. Новиков. – Москва: Наука, 1984. – Т. 2. – 338 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
3. Зенкин С.Н. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. – М., 2012. – 537 с.
4. Зыгмонт А.И. Амбивалентность сакрального: краткая история забвения концепта // Становление классического зарубежного теоретического религиоведения в XIX – первой половине XX века: сборник материалов научной конференции с международным участием. – М.: Эдитус, 2015. – С. 54–58.
5. Кант. И. Критика способности суждения [и другие тексты]. – СПб., Наука, 2001. – Перевод Н.М. Соколова. – 440 с.
6. Островская К.З. Концепт ПУТЬ-ДОРОГА как эквивалент концепта ИСПЫТАНИЕ в концептосфере народной волшебной сказки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 12 (90), Ч.3. – С. 579–583.
7. Островская К.З. Медиальные формулы как средство репрезентации фантастического хронотопа: на материале русских, немецких и английских народных волшебных сказок // Современное педагогическое образование – Москва, 2019. – № 7. – С. 136–141.
8. Приходько А.Н. Концепты и концептосистемы. – Днепрпетровск, 2013. – 307 с.
9. Словарь литературоведческих терминов / под ред. С.П. Белокуровой. – М.: Паритет, 2007. – 320 с.
10. Фрейд З. Тотем и табу. – СПб., 2005. – 256 с.
11. Grimms Märchen (Komplette Sammlung - 200+ Märchen) / J. und W. Grimm. – Hrsg. v. Oregan Publishing. – 2018. – 1164 S.
12. Jacobs J. English Fairy Tales / J. Jacobs. – Rainbow Classics. – 2016. – 178 p.

© Островская Ксения Зурабовна (ya.xenija555@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»